Зелинский Фаддей Францевич

Из жизни идей

Том 2

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф15

Фаддей Францевич З.
Ф15 Из жизни идей: Том 2 / Зелинский Фаддей Францевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 426 с.

ISBN 978-5-519-86028-4

ISBN 978-5-519-86028-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Лекціи о древнемъ мірѣ, составляющія ядро настоящей книги, были мною прочитаны, по приглашенію начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа, ученикамъ выпускныхъ классовъ С.-Петербургскихъ гимназій и реальныхъ училищъ весной 1903 г.; въ теченіе лѣта того же года онѣ были напечатаны въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а осенью появились и отдѣльнымъ изданіемъ. Несмотря на тяжелыя времена, наступившія вскорѣ затѣмъ для всей Россіи, несмотря на крайне враждебное отношеніе къ моей книгѣ, съ одной стороны, большинства органовъ печати, а съ другой— Ученаго Комитета, признавшаго ее не заслуживающей допущенія въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:—несмотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, книга въ теченіе года почти разошлась. Этимъ было доказано, что общество вовсе не такъ несочувственно относится къ тому, что было ея руководящей идеей; я счелъ, поэтому, своимъ долгомъ позаботиться о новомъ ея изданіи.

Въ этомъ второмъ изданіи книга назначена уже непосредственно для общества. Форма обращенія къ выпускнымъ учени-

камъ, правда, удержана; она никому не мѣшаетъ, и мнѣ не хотѣлось, разрушая ее, разрушить память о часахъ, которые я причисляю къ лучшимъ въ моей жизни. Но при всемъ томъ я повторяю: книга назначается для общества. Я глубоко убѣжденъ, что *возрожденіе русской классической школы, необходимое въ интересахъ русской культуры, наступитъ тогда, когда само общество убѣдится въ его необходимости.* Близокъ ли этотъ часъ? Я не знаю. Но этотъ вопросъ и его возможное рѣшеніе не могли и не должны были вліять на мое отношеніе къ моей задачѣ. Возвращеніе общества къ классической школѣ будетъ результатомъ пробужденія истины; а ея пробужденію нельзя содѣйствовать разсчетами политики, тѣми самыми, которыми она была погружена въ сонъ. Въ противоположность къ нимъ я рѣшилъ неукоснительно слѣдовать истинѣ, нимало не заботясь объ успѣхѣ моей книги въ цѣломъ или въ частяхъ.

Семь экскурсовъ, которыми я дополнилъ настоящее второе изданіе—очень разнородные по формѣ и содержанію—отчасти уже были раньше мною напечатаны, а именно:

экск. IV—въ „Сѣверномъ Курьерѣ“ 26 нб. 1900 г.,
„ V—въ „Филологическомъ Обозрѣніи“ VII (1894),
„ VI—въ „Трудахъ Высочайше учрежденной Коммиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ“ VI.

Относительно пятаго (о чтеніи судебныхъ рѣчей Цицерона въ гимназіи) замѣчу, что онъ имѣетъ значеніе лишь образца—образца того, какъ слѣдуетъ одухотворять чтеніе авторовъ въ гимназіи сообразно со сказаннымъ на стр. 64 сл. объ универсализмѣ занятій античностью. Принципы, развитые мною въ этомъ экскурсѣ въ области чтенія судебныхъ рѣчей, я примѣнилъ на дѣлѣ въ своемъ изданіи „рѣчи Цицерона за Верреса“ (5 кн.), появившемся въ собраніи Л. А. Георгіевскаго и

С. А. Манштейна (2-е изд. 1896). Ту же цѣль, въ области чтенія историковъ и трагиковъ, преслѣдуютъ мои изданія 21-й книги Ливія (4-е изд. 1904), „Царя Эдипа“ (2-е изд. 1896) и „Трахинянокъ“ Софокла (1898 тамъ же). Вмѣстѣ взятыя, эти четыре изданія составляютъ мой посильный вкладъ въ то, что̀ я называю въ своихъ лекціяхъ „школьною античностью“; могу ли я надѣяться, что тѣ, которые отнеслись скептически къ моимъ разсужденіямъ объ универсализмѣ этой школьной античности, сочтутъ своимъ долгомъ хоть самымъ поверхностнымъ образомъ ознакомиться съ этими изданіями?

Первые три экскурса, объединенные своей полемической формой, составляютъ и по содержанію одно цѣлое; особенно это касается второго и третьяго. Только вмѣстѣ взятые они, подобно парнымъ стереоскопическимъ снимкамъ, даютъ правильное и выпуклое представленіе о воззрѣніяхъ автора — о той „серединной тропѣ“ правды и разума, которой онъ по мѣрѣ своихъ силъ старается слѣдовать. Смѣю, однако, увѣрить, что ихъ полемическая форма является именно только формой; по содержанію они столь же положительны, какъ и всѣ прочія составныя части настоящей книги.

Особнякомъ стоитъ седьмой и послѣдній экскурсъ: я хотѣлъ въ немъ представить синтезъ того, что̀ я, какъ истолкователь древняго міра, имѣю передать тѣмъ, для кого я работаю. Я хотѣлъ его первоначально озаглавить „моимъ друзьямъ“, разумѣя подъ послѣдними не однихъ только моихъ личныхъ друзей, но и всѣхъ тѣхъ, кто, подобно мнѣ, признаетъ обязательнымъ для себя „кодексъ чести мыслителя“ (см. стр. 91). Послѣ нѣсколькихъ метаморфозъ онъ вылился, въ силу художественныхъ соображеній, въ настоящую свою форму. Такъ-то я лишній разъ убѣдился, что отъ автора зачастую зависитъ только рѣшеніе, писать ли книгу или не писать ее; разъ рѣшеніе принято — она пишется сама и принимаетъ ту форму,

которую должна принять по внутренней необходимости. Въ этомъ — особый смыслъ извѣстной поговорки habent sua fata libelli; и, пожалуй, самый глубокій и „роковой“ ея смыслъ.

Со всѣмъ тѣмъ, я сознаю, что этотъ экскурсъ—для очень немногихъ; но эти немногіе — въ то же время тѣ, которые мнѣ дороже всѣхъ. Знай я, кто они и гдѣ они — я бы имъ прямо послалъ его, „на правахъ рукописи“; но нѣтъ — мнѣ приходится искать ихъ между многими. Прошу, поэтому, остальныхъ поступить съ нимъ точно такъ же, какъ они поступаютъ съ письмами, не имъ написанными и случайно и ненарокомъ попавшими къ нимъ въ руки: т.-е., убѣдившись въ непринадлежности, прекратить чтеніе и забыть о содержаніи прочитаннаго. Для того этотъ экскурсъ и напечатанъ послѣднимъ, съ нечетной страницы, чтобы его можно было отрѣзать, не портя книги.

Впрочемъ, сказанное только-что объ этомъ экскурсѣ—что онъ долженъ искать своихъ читателей — относится въ значительной степени и ко всей книгѣ. Скажу напрямикъ: моя книга — книга ищущая. Я знаю, она найдетъ тѣхъ, кого ищетъ; въ этомъ меня убѣждаетъ нежданный успѣхъ ея перваго изданія. Но гдѣ она ихъ найдетъ? Одно ясно: не среди направленцевъ, не среди готовыхъ и непереубѣдимыхъ, не среди тѣхъ, къ которымъ паправленская ливрея прилипла, какъ Нессовъ плащъ: о, нѣтъ—на нихъ я давно махнулъ рукой, какъ и они на меня. Но гдѣ же? Отвѣчу: среди тѣхъ, которые ищутъ сами; моя книга—книга для ищущихъ.

Ѳ. Зѣлинскій.

С.-Петербургъ, Апрѣль 1905.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Въ настоящемъ изданіи коренная статья „Древній міръ и мы“ перепечатана безо всякихъ измѣненій. Истекшее шестилѣтіе принесло ей немало хорошаго: помимо продолжающагося сочувствія русской публики, она была переведена на пять иностранныхъ языковъ — нѣмецкій, французскій, англійскій, чешскій и итальянскій, причемъ первый изъ этихъ переводовъ успѣлъ уже появиться третьимъ изданіемъ [1]).

Главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ этого ряда успѣховъ я рѣшилъ пропустить въ настоящемъ изданіи всѣ экскурсы (кромѣ послѣдняго), которыми было дополнено второе. Ихъ ядромъ были второй и третій, полемическіе по формѣ, хотя и положительные по содержанію. Они были обращены противъ противниковъ слѣва и справа, изъ коихъ первый, къ сожалѣнію, выбылъ изъ ряда живыхъ, второй вообще никогда въ немъ не состоялъ и былъ мною прихваченъ скорѣе по стереоскопическимъ соображеніямъ. Но главное, повторяю — мое желаніе избѣгнуть въ этомъ изданіи всякой полемики. А впрочемъ, я

[1]) Die Antike und wir. Deutsch von Schoeler (Leipzig 1905. 3-tte Aufl. 1911). — Le monde antique et nous. Trad. par E. Derume (Bruxelles 1909). — Our debt to antiquity. Transl. by H. A. Strong and Hugh Stewart (London 1909). — Stary svět a my. Prel. Fr. Novotny (Praha 1910). — L'Antico e noi (Firenze 1910).

отъ сказаннаго ни въ одномъ пунктѣ не отрекаюсь; второе изданіе съ его экскурсами не сметено съ лица земли, и я по прежнему думаю, что ихъ съ пользою для себя прочтутъ и начинающіе педагоги, и среднихъ лѣтъ публицисты, и бюрократы генеральскаго чина и возраста.

Я даже охотно освободилъ бы и коренную статью отъ тѣхъ немногихъ полемическихъ мѣстъ, которыя въ ней имѣются; но для этого пришлось бы произвести слишкомъ крупныя измѣненія. Прошу поэтому читателя помнить, что она была написана въ 1903 году.

Взамѣнъ устраненныхъ экскурсовъ я, идя на встрѣчу высказаннымъ критикой пожеланіямъ, дополнилъ коренную статью другими, появившимися раньше въ разныхъ журналахъ, но не включенными въ другіе томы моего сборника. Это слѣдующія:

1) Вильгельмъ Вундтъ и психологія языка („Вопросы философіи и психологіи“ 1902, январь—мартъ).

2) Художественная проза и ея судьба („Вѣстникъ Европы“ 1898 ноябрь).

3) Уголовный процессъ двадцать вѣковъ назадъ („Право“ 1901 № 7 и 8).

4) Характеръ античной религіи въ сравненіи съ христіанствомъ („Русская Мысль“ 1908 февраль).

5) Памяти И. Ѳ. Анненскаго („Аполлонъ“ 1910 январь).

Ѳ. Зѣлинскій.

С.-Петербургъ, январь 1911.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Введеніе: Постановка задачи.—Три антитезы.—Vox populi—vox Dei.—Большое и малое «я» общества.—Общественное мнѣніе и соціологическій подборъ.—*Первая антитеза:* образовательное значеніе античности.—Данныя историческаго опыта.—Зацѣпки.—Гетерогенія цѣлей.—Эволюція классическаго образованія.—Критеріи образовательной силы предметовъ: психологія и психологическое науковѣдѣніе. — Смыслъ сочетанія: «образовательное значеніе». — Принципъ профессіональный и принципъ образовательный.—Назначеніе средней образовательной школы.

Моя задача—выяснить вамъ, насколько это позволятъ время и силы, значеніе той области знанія, представителемъ которой я состою при нашемъ университетѣ и которую я, ради краткости, буду просто называть *античностью*. Задачу эту можно рѣшить въ троякомъ направленіи, соотвѣтственно троякому значенію самой античности. Она, во-первыхъ, является предметомъ науки, которую принято—несовсѣмъ правильно—называть классической филологіей; она, во-вторыхъ, представляетъ собою элементъ умственной и нравственной культуры современнаго европейскаго общества; она, въ-третьихъ—и это ея значеніе для васъ самое близкое—входитъ въ составъ учебныхъ предметовъ привилегированнаго типа средней школы, такъ называемой классической гимназіи. Каждая изъ этихъ трехъ точекъ зрѣнія открываетъ намъ новую сторону античности; но по отношенію къ каждой изъ нихъ посвященный въ дѣло человѣкъ бываетъ вынужденъ отстаивать мнѣніе, діаметрально противоположное тому, которое стало ходячей

монетой въ современномъ и спеціально въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ. Дѣйствительно, о классической филологіи общество привыкло думать, что она—наука вдоль и поперекъ изслѣдованная, не представляющая болѣе интересныхъ задачъ для творческой работы; знатокъ же дѣла вамъ скажетъ, что теперь она интереснѣе, чѣмъ когда-либо, что вся работа предъидущихъ поколѣній была лишь подготовительной, была лишь фундаментомъ, на которомъ мы только теперь начинаемъ возводить настоящее зданіе нашей науки, что новыя проблемы, манящія къ изслѣдованію и рѣшенію, намъ встрѣчаются на каждомъ шагу нашего научнаго поприща. Затѣмъ, по отношенію къ античности, какъ элементу современной культуры, общество усвоило мнѣніе, что она играетъ въ ней ничтожную роль, будучи давнымъ давно превзойдена успѣхами новѣйшей мысли; знатокъ же дѣла вамъ скажетъ, что мы въ своей умственной и нравственной культурѣ никогда еще не стояли такъ близко къ античности, никогда такъ въ ней не нуждались, но и такъ не были приспособлены понимать и воспринимать ее, какъ именно теперь. Наконецъ, по отношенію къ античности, какъ элементу образованія, большинство общества склонно полагать, что это—какой-то странный пережитокъ, неизвѣстно почему и какимъ образомъ сохраненный въ современной школѣ и подлежащій скорѣйшему и окончательному упраздненію; знатокъ же дѣла, опять-таки, вамъ скажетъ, что античность по самому существу своему, въ силу условій какъ историческаго, такъ и психологическаго характера, является органическимъ элементомъ образованія европейскаго общества, и что окончательно упразднена она будетъ не иначе, какъ съ упраздненіемъ всей современной европейской культуры.

Таковы наши три антитезы; согласитесь, что болѣе рѣзкихъ и представить себѣ нельзя. И я боюсь, что именно наличность этихъ антитезъ можетъ васъ смутить и возбудить ваше недовѣріе къ тому, что̀ я имѣю вамъ сказать; а такъ какъ предвзятое недовѣріе аудиторіи къ лектору заранѣе уничтожаетъ возможное дѣйствіе его словъ, то позвольте мнѣ сдѣлать попытку устранить его, поскольку оно вообще устранимо воздѣйствіемъ разума. Въ самомъ дѣлѣ, я представляю себѣ съ вашей стороны возраженіе въ родѣ слѣдующаго: „да

развѣ уже изъ самаго состава борющихся сторонъ не ясно, кто правъ и кто виноватъ? развѣ можетъ быть правъ вопреки мнѣнію совокупности общества тотъ единоличный «знатокъ дѣла», о которомъ вы говорите и подъ которымъ вы, вѣроятно, разумѣете самого себя, г. лекторъ? Оставимъ въ сторонѣ классическую филологію: она для общества неинтересна, и оно имѣетъ поэтому право ея не знать; но античность, какъ элементъ культуры, античность, какъ факторъ образованія—развѣ можно допустить, чтобы общество ошибалось въ рѣшеніи такихъ насущныхъ, такъ близко его касающихся вопросовъ? Не даромъ же и въ пословицѣ сказано: vox populi—vox Dei!"

Тутъ я могъ бы сдѣлать оговорку—и довольно существенную—по отношенію къ этой «совокупности общества», о которой намъ такъ много говорятъ; но это не такъ важно. Пусть будетъ по-вашему: я все-таки не могу согласиться, чтобы вы къ этой дѣйствительной или мнимой совокупности примѣняли пословицу о vox populi, такъ какъ противъ этого примѣненія громогласно протестуетъ исторія всѣхъ временъ. Вспомните о томъ, какъ римское общество требовало на арену первыхъ христіанъ, вспомните объ остервенѣніи общества противъ еретиковъ въ Испаніи или противъ вѣдьмъ въ Германіи, вспомните о той единодушной поддержкѣ, которую долгое время находили въ обществѣ такіе институты, какъ рабство негровъ въ Америкѣ или крѣпостное право у насъ—и вы согласитесь, что очень часто vox populi бываетъ поистинѣ vox diaboli, а не Dei. Мы въ настоящее время не только осуждаемъ такія проявленія общественной воли,—мы, что̀ также не худо, безстрастно ихъ объясняемъ, обнаруживая причины, которыя во всѣхъ указанныхъ случаяхъ заставляли общество неправильно судить о своихъ собственныхъ потребностяхъ. И здѣсь возможно то же самое, и здѣсь мы можемъ—и это войдетъ, если дозволитъ время, въ составъ моей послѣдней лекціи—анализировать смыслъ недоброжелательнаго отношенія современнаго общества къ античности, выдѣлить ту роль, которую въ немъ сыграло добросовѣстное и непроизвольное заблужденіе, отъ той, въ которой мы должны признать проявленіе сознательнаго обмана. Теперь моя цѣль другая: я вѣдь хотѣлъ только расшатать въ васъ увѣренность—если таковая есть—въ непогрѣшимости

общественнаго мнѣнія, хотѣлъ протестовать противъ злоупотребленія поговоркой vox populi—vox Dei.

А каковъ правильный смыслъ этой поговорки, это я разовью вамъ тотчасъ. Не въ оглушительномъ крикѣ, который такъ часто бываетъ выраженіемъ взбудораженныхъ страстей, должны мы признать гласъ Божій, а въ томъ тихомъ и безстрастно повелительномъ голосѣ таинственной воли, который указываетъ человѣчеству пути его культурнаго развитія. Съ незапамятныхъ временъ, когда физіологіи пищеваренія и органической химіи еще и въ поминѣ не было, этотъ голосъ указалъ человѣку на хлѣбъ, какъ на ту пищу, пользуясь которой онъ можетъ достигнуть наивысшаго возможнаго для него совершенства. Въ этомъ голосѣ древніе греки, умѣвшіе удивляться тому, что̀ поистинѣ удивительно, признали взаправду голосъ Божій — голосъ своей богини Деметры; современная біологія, не признающая метафизики... или, правильнѣе говоря, вводящая вмѣсто прежней, теологической метафизики, свою собственную, біологическую—видитъ въ немъ дѣйствіе открытаго ею *закона подбора*, совершенно аналогичнаго тому, который и всякой скотинѣ указалъ наиболѣе свойственную ей пищу. Да, господа, законъ подбора—подбора естественнаго, который тамъ, гдѣ его субъектомъ является человѣческое общество, носитъ названіе соціологическаго подбора — вотъ настоящая vox populi, vox Dei.

Теперь спросимъ себя: каково же отношеніе этого подбора къ интересующему насъ вопросу—вопросу о роли античности въ образованіи молодежи, или, короче говоря, къ тому, что мы называемъ классическимъ образованіемъ?—А таково это отношеніе, что вотъ теперь, черезъ полторы почти тысячи лѣтъ послѣ паденія Рима и болѣе чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ паденія Греціи, мы все еще споримъ о томъ, должны ли ихъ языки занимать центральное мѣсто въ образованіи молодежи или нѣтъ. Согласитесь, господа, что это единодушное свидѣтельство вѣковъ—гораздо болѣе знаменательный фактъ, чѣмъ эфемерный вердиктъ современнаго намъ общества, даже если бы его единодушіе было менѣе фиктивно, чѣмъ оно есть. Вспомните картину, представляемую нашей Невой, когда дуетъ роковой для насъ югозападный вѣтеръ: волны совершенно